

ный эпизод строительства храма превращается здесь в средство характеристики: Роман строит церковь, «соревнуясь со знаменитым царем Соломоном и подражая самодержцу Юстиниану» (ibid, p. 41). Не благочестие, а стремление походить на властителей прошлого движут византийским императором ⁴⁵.

Нетрудно видеть, что Михаила V и Романа III объединяет лишь общность основного «родового» качества — лицемерия. В остальном это образы совершенно различные. У каждого из героев «свой», характерный именно для него тип лицемерия. Внимание писателя направлено не на общее, «родовое», а на частное, индивидуальное.

И м п е р а т о р - « а л а д з о н »

Роман Диоген — герой с четко выраженной доминантой характера. Уже в первых строках биографии говорится: «Нрав его иногда прямой, большей же частью лукавый и наглый (εἰρωνικός καὶ ἀλαζών). Два последних определения вызывают ассоциации с классическими типами «аладзона» и «эйрона», хорошо известными со времен древнеаттической комедии и вошедшими в знаменитый реестр характеров Феофраста. «Ирония», однако, в ходе дальнейшего изложения больше не фигурирует, в то время как «наглость» (ἀλαζονεία) становится ведущим свойством героя. Именно все возрастающая «наглость» заставляет Романа совершить три последовательных похода против сельджуков, приведшие императора к катастрофе ⁴⁶. Поскольку описание этих походов составляет сюжетную канву жизнеописания, вся биография превращается в раскрытие ведущего качества персонажа. Весьма характерно для Пселла: «наглость» Романа раскрывается не только в прямых характеристиках, но и в постоянном противопоставлении претензий, кажущегося, видимого в императоре с реальными возможностями и результатами его усилий. Внешне серьезный (иногда даже торжественный, с гомеровскими цитатами) тон в ряде эпизодов служит контрастом ничтожности императорских успехов, порождая определенный комический эффект. Пселл так, например, рассказывает о приготовлениях Романа к своему первому походу: «Император облачился в боевые доспехи из дворца, взял в левую руку щит, в правую — копье, «сбитое крепко гвоздями, двадцать два локтя длиною». Щитом император рассчитывал преградить путь врагу, а копьем поразить его в бок. При виде этого остальные подняли боевой крик и рукоплескали, я же, догадываясь о том, что должно произойти, оставался мрачным» (Chron., II, p. 158). Окончание этого же эпизода Пселл описывает следующим образом: «Император вернулся с видом победителя, но не привез с собой ни мидийской, ни персидской добычи, гордясь разве только тем, что воевал с врагом» (ibid., p. 159). Тем не менее этот поход становится для него «предлогом для наглости» (πρόφασις τῆς ἀλαζονείας). Аналогичным образом описываются и результаты второго похода: «Хотя тысячи наших воинов пали, все-таки мы взяли в плен двух или трех врагов и не были побеждены, и много было у нас разговоров по поводу победы над врагами» (ibid., p. 160).

Образ Романа Диогена лишен сложности и противоречивости, присущей большинству пселловских образов. Автор относится к своему герою со слишком большой неприязнью, чтобы копаться в психологических тонкостях. Вместе с тем Роман Диоген у Пселла — четко очерченный

⁴⁵ Ср. слова Пселла: «Предметом заботы этого императора было иметь вид благочестивого человека, и он действительно заботился о божественном, но притворства было больше, чем истинной веры, а видимость преобладала над действительностью» (ibid., p. 40).

⁴⁶ См. Я. Н. Любарский. О жанровой и композиционной специфике «Хронографии» Михаила Пселла, стр. 33—34.